

Болгарию в 1364 г.¹⁴ Из имеющихся здесь сведений видно, что рыцари савойского графа Амедея VI реквизировали у болгарских феодалов не только значительные запасы зерновых продуктов, но и большие денежные суммы. Так, когда Амедей VI наложил на граждан Месемврии контрибуцию, он собрал громадные денежные суммы среди проживавших в городе феодалов-аристократов. Например, некий кастрофилак Калоян сдал в подьячке контрибуции (*taillia*) одну тысячу двести золотых иперпиров (стр.117).

Как и в предшествующих главах, автор и здесь в ряде случаев использует данные последних археологических экспедиций для характеристики состояния производительных сил в болгарском ремесленном производстве XIII—XIV вв.

Особо следует отметить сделанное автором рецензируемой книги наблюдение, что в XIII и XIV вв. к движению богомилов примыкали уже не только крестьянские массы, как это было в предшествующие века, но и ремесленники. «Массовое распространение богомильства в городах в XIV в. было совсем новым явлением, — пишет Лишев, — ибо раньше богомилы, как известно, вербовали своих сторонников, главным образом, из крестьянской среды» (стр. 125). В этой связи, автор дает интересную картину классового расслоения среди ремесленников, а также стремится показать, как это расслоение отражалось в общественно-политической идеологии различных групп болгарских ремесленников.

Небольшой последний раздел рецензируемой книги посвящен проникновению чужеземных товаров в феодальную Болгарию XIII—XIV вв. Автор убедительно показывает, что темп его, несмотря на несомненное развитие в это время производительных сил в Болгарии, был крайне замедленным, вследствие чего возраставшие потребности болгарских феодалов в изделиях ремесленного производства удовлетворялись по преимуществу за счет иноземного производства, в основном — итальянского. Значительные размеры внешней торговли между болгарскими феодалами и чужеземными купцами, как показывает работа Лишева, не вызывали, однако, глубокого проникновения товарно-денежных отношений в хозяйство феодального поместья средневековой Болгарии, продолжавшее носить натуральный характер даже накануне турецкого завоевания.

Подводя некоторые итоги всему сказанному выше, мы можем констатировать, что работа С. Лишева, несмотря на отдельные отмеченные нами недостатки, содержит ряд новых, свежих мыслей и ценных наблюдений, толкающих исследователей на дальнейшее изучение условий, в которых протекало развитие феодальной общественно-экономической формации в средневековой Болгарии.

Б. Т. Горянов

**P. LEMERLE. L'EMIRAT D'AYDIN. BYZANCE ET L'OCCIDENT.
RECHERCHES SUR «LA GESTE D'UMUR PACHA»**

Bibliothèque byzantine. Paris, 1957, 276 p.

Изучение восточных источников становится все более и более необходимым для того, чтобы разъяснить ряд проблем, относящихся к истории Византии и всего юго-востока Европы. Поэтому опубликование части произведения Энвери «*Düstürnâme*» на одном из новых языков можно только приветствовать.

Энвери, турецкий писатель середины XV в., является также автором описания похода Мехмеда II против Валахии в 1465 г. К сожалению, это произведение утеряно, а оно могло бы быть ценным источником по истории Валахии, тем более, что его автор, по-видимому, был участником этого похода.

«Düstürnâme» состоит из 7460 стихов и отчетливо делится на три части. Первая часть является адаптацией персидской хроники Бейзави; вторая посвящена деятельности эмира Айдина, Омар Паши; в последней части изложены наиболее важные события истории турок-османов до 1464 г.

Работа, являющаяся объектом нашей рецензии, представляет собой комментарий ко второй части «Düstürnâme», переведенной на французский язык в 1954 г. Ирэн Меликовой-Сейар. В основном этот комментарий ограничивается тем, что указывает цитируемые места в поэме, устанавливает хронологию событий и сопоставляет их со сведениями византийских историков того времени (Кантакузина и Григоры), и в этом отношении работа выполнена с большой кропотливостью и содержит огромное количество сведений.

Однако с рядом утверждений автора согласиться нельзя. Особенно это относится к введению, в котором Лемерль дает краткий набросок политической обстановки в Византийской империи и Айдинском эмирате в конце XIII и начале XIV в. Так, принятая Лемерлем точка зрения Виттека, согласно которой азиатские эмираты по своему происхождению являлись своего рода «религиозным братством», а источником их агрессивного характера будто бы был «моральный идеал», конечно не соответствует действительности. Создание и развитие турецких эмиратов было следствием кризиса скотоводческого общества, кризиса, который потрясал тюркские племена с начала XI в.

Не удалось автору убедительно объяснить и успехи турок в борьбе против Византии. По существу он ограничился просто правильной констатацией, что к концу XIII в. турки не являлись силой, которую было бы очень трудно остановить. В действительности же все более и более глубокое проникновение турок на территории империи было облегчено обострением классовых противоречий в византийских провинциях Малой Азии, в результате жесточайшей эксплуатации крестьянства, — обострением, обусловившим ряд мощных крестьянских восстаний, и, в частности, восстание 1262 г., потрясшее всю систему византийской обороны¹. С другой стороны, победам турок в значительной мере способствовало и предательство местных феодалов, проводивших протурецкую политику. Лишь в свете этих фактов могут быть поняты успехи турок в Малой Азии.

Вызывает возражение и та часть комментария, в которой Лемерль стремится показать, будто вся поэма о деяниях Омара имеет одинаковую историческую ценность. Эта точка зрения ничем не оправдана, и для того, чтобы ее обосновать, Лемерль часто вынужден искажать толкование исторических событий. Последнее особенно заметно в комментариях к первым разделам поэмы, в которых описываются обстоятельства зарождения Айдинского эмирата и первые военные действия Омара, направленные против острова Хиоса, Галлиполи, Водоницы и страны «Ефлаг». Эта часть представляет собою скорее смесь смутных воспоминаний о военных действиях турок-османов в различные эпохи и содержит рассказы о событиях, которые отнюдь не всегда могли бы быть связаны с Омаром, а то и вовсе вымышленных. Так, например, нападение на Галлиполи не упоминается ни од-

¹ А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 110.

ним византийским историком; а между тем невозможно, конечно, допустить, чтобы византийские историки обошли молчанием событие подобной важности, тем более, что в других случаях они много говорят об Омаре. Да и вообще, подобное нападение на город, имевший мощные укрепления, представляется более чем смелым в эпоху, когда силы эмирата находились еще в периоде становления. Сам же Лемерль вынужден признать (несколько дальше), что рассказ Энвери о первом нападении латинян на Смирну — событии, которое не могло бы ускользнуть от западных источников, — относится к области фантастики, но при этом он добавляет: «Все же источник Энвери до этого момента отличался большой точностью» (стр. 94), а это отнюдь не соответствует действительности. По-видимому, Энвери использовал несколько источников, из которых один является кратким; на его основе Энвери воспроизводит взятие Смирны в 1344 г., отличая его от осады, о которой рассказывается далее, согласно другому, более подробному и точному источнику; именно по этой причине в произведении Энвери фигурируют два различных нападения на Смирну.

Поэма умалчивает о помощи, которую Омар оказал византийцам при взятии Новой Фокеи, и о его отношениях с Кантакузином в эту эпоху, и в то же время в ней упоминается о мнимой передаче Омаром острова Хиоса византийцам. Это еще раз подтверждает, что историческая ценность сведений, содержащихся в этой части поэмы, невелика. Но в соответствии со своей исходной точкой зрения и чтобы не дискредитировать ценность источника, П. Лемерль пытается уменьшить роль Кантакузина (полностью забытого в поэме) в этих событиях. С этой целью он старается доказать, что к этому времени только еще намечался союз между великим доместиком и турецким эмиром. Известно, однако, что Кантакузин точен в своем рассказе, и мы не видим, почему бы ему не быть искренним в этом случае. Омар с давних пор был связан с Кантакузином тесной дружбой, которая поддерживалась регулярной перепиской. Выступление Омара на стороне Византии явилось результатом этой связи [Cantacuzenus, I (Вопнае), р. 483], и не случайно, конечно, что Кантакузин говорит о ней очень часто (см. напр., Cantacuzenus, II, р. 344, 387). При такой ситуации, чем можно было бы объяснить предыдущие нападения Омара на византийскую территорию?

Столь же фантастическим следует признать и известие о кампании против страны «Ефлаг», т. е. Валахии. Помимо того, что совершенно невероятно допустить, будто бы византийцы разрешили проход через проливы пиратским кораблям, проявив безразличие к союзническим отношениям, невозможно представить, чтобы турки Айдина отважились на легких суденышках в столь далекий путь и в места для них неизвестные. Во всяком случае в рассматриваемом походе 1341 г. к устью Дуная Омар не мог натолкнуться на сопротивление некоего Басараба, так как оккупация устья Дуная Валахией имела место лишь гораздо позже. По-видимому, речь идет о другом походе османских турок, и, Энвери, возможно, с чисто литературной целью, для того чтобы приумножить подвиги своего героя, использовал при описании этого похода те впечатления, которые он получил во время похода 1462 г., участником которого он сам был. Кроме того, в этот же рассказ Энвери ввел эпизод из осады Мехмедом II Константинополя — переправу судов по суше с помощью деревянных помостов, смазанных мылом.

«Düstürnâme» приобретает историческую ценность с момента, когда речь начинает идти о вмешательстве Омара в гражданскую войну в Византии (т. е. с 1307 стиха). Тут, в начале рассказа, относящегося к этим последним событиям, Энвери сам подчеркивает, что теперь он использует другие

источники (видимо, современные событиям) и что именно так рассказывают об этих событиях летописцы. О точности своего изложения, с прямой ссылкой на источник сведений (Хаджу Сельмана), Энвери говорит и не сколько дальше.

С этого же места становится точным и комментарий Лемерля. Мы согласны с выводами Лемерля, которые он делает в этой части своего труда: Энвери исходит из действительных фактов, но он обогащает их вымышленными подробностями в силу поэтического характера своего произведения и с целью прославить героя поэмы. То же относится и к следующим частям поэмы: к рассказу о взятии Смирны «латинянами» и о походе Омара в Европу в 1345 г. Последняя часть поэмы — смерть Омара — имеет чисто литературную ценность.

В своих выводах Лемерль неоднократно говорит о поддержке, которую оказывал Омар Кантакузину, и о дружбе, связывавшей этих двух правителей. Но, к сожалению, он даже и не пытается объяснить причины, обусловившие союз между крупными византийскими феодалами и эмиратом, который к этому времени стал, очевидно, главной морской силой в Восточном Средиземноморье.

Продолжение исследований этой проблемы могло бы привести к интересным результатам.

Мы видим, таким образом, что труд П. Лемерля далеко не безупречен. Но, оценивая его в целом, следует признать, что он окажется очень полезным для дальнейшего исследования «Düstürnâme» — этого интересного, но пока еще малоизвестного источника. Особого внимания заслуживает та его часть, которая непосредственно относится к периоду 1342—1348 гг.

Э. Франчес.

Перевод В. П. Яблонской

МИЛАНСКИЙ КОМПЛЕКС ЦЕНТРИЧЕСКИХ ЗДАНИЙ

ПО ПОВОДУ А. CALDERINI, G. SCHIERICI,
C. CECHELLI. LA BASILICA DI SAN LORENZO MAGGIORE
IN MILANO

Milano, Treccani, 1951 (V, 297 p., 100 tav.)

Миланский комплекс Сан Лоренцо, и в частности его главное четырехлопастное здание, уже около ста лет находится в центре внимания позднеримской археологии. Однако до последнего времени исследовались отдельные входящие в его состав центрические здания, но не весь комплекс в целом.

Как известно, главное здание дважды разрушалось огнем почти до самого основания и дважды восстанавливалось с сохранением первоначальной центрической схемы, но в соответствии с техническими возможностями и с художественными вкусами романского периода и позднего ренессанса. Пристройки меньше страдали от пожаров, но и они тоже подвергались значительным изменениям и приводились в соответствие с главным, четырехлопастным залом. Предшествующие исследования и реставрационные работы были направлены преимущественно на эти второстепенные части комплекса.

Около 1935 г., когда был начат новый цикл исследований, главное зда-